

лет» [5] Дублина благополучно завершается желанием беременности и брачной готовностью к диалогу: «да, я хочу, Да» [4]. Так из монолога *absit poen* (лат., *имя опустим*) возникает *сакрально* диалогичная цивилизация Любви, само имя которой дает выход из экзистенциального тупика.

Диалогическим обращением диспозиций постмодерна к цивилизации Любви были созданы условия для актуализации сакральных значений в психологической культуре. Образовательный парадокс как раз включает в себя теоретическую меру *всего* и конкретику персонажей как носителей абстракций. «Все, что распространяется на весь мир, несет противоречие» – смысл структурного психоанализа Ж. Лакан видит в «соотношении субъекта со всей системой символического – этой совершенно своеобразной, отграниченной от сфер реального и воображаемого областью, с которой человек постоянно имеет дело, и которая конституирует саму человеческую реальность» [6]. Поэтому «научить вести беседу «ни о чем», – по мнению В.М. Аллахвердова, – несомненно, более важная и продуктивная задача, чем беседу «на тему», в силу явной искусственности и практической неприменимости последней» [7]. Скромная поступь «слона» под лающий фон задорного «американоведа» проектирует переход от тематической индукции к сакральной дедукции. «Вначале было слово» [5] – вот «новая как хорошо забытая старая» диспозиция психологической культуры в тестировано замкнутом киберпространстве.

Литература:

1. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб. : А-сad, 1994.
2. Шлейермахер, Фр. Герменевтика / Фридрих Шлейермахер. – СПб.: «Европейский Дом». 2004.
3. Ялом, И.Д. Шопенгауэр как лекарство / Ирвин Дэвид Ялом. – М.: ЭКСМО, 2006.
4. Джойс, Дж. Улисс : роман / Джеймс Джойс – М.: Эксмо, 2010.
5. Священное Писание Ветхого и Нового Завета : Библия. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1989.
6. Лакан, Ж. О бессмыслице и структуре бога / Ж. Лакан // Московский психотерапевтический журнал : теоретико-аналитическое издание – январь-март 2002. – №1.
7. Аллахвердов, В.М. Легендарный А.М. Зимичев / В.М. Аллахвердов, А.И. Ватулин // Методология и история психологии. – Том 3. – Выпуск 2. – 2008.

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО РИСКА

Т.В. Купчинова, г. Минск, Беларусь

Рискогенность является одним из неотъемлемых атрибутов современного общества. Риск предполагает существование вероятности возможных потерь в результате каких-либо действий, преобразований во всех сферах общественной жизни: экономической, политической, социальной. Дискуссия относительно природы самого феномена риска сводится к двум точкам зрения: позитивистской и релятивистской. В первом случае речь идет о возможности количественной оценки рисков (Ф.Найт) и в этом смысле риск можно считать объективным и познаваемым фактом. Во втором, делается акцент на проблеме восприятия риска, имеющей не только психологический, но и социальный, культурный, политический контекст. (М. Дуглас, У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман.).

Стремление к безопасности, с одной стороны и производство рисков с другой – противоречие в большей степени социального и политического характера, на которое обратил внимание У.Бек. Он также отметил, что риск создается в социальной системе, его объем есть функция качества социальных отношений и процессов [1, с. 23]. Стоит отметить, что сегодня речь идет об увеличении, как количества, так и качества возможных рисков.

Социальный риск связан с возникновением в обществе ряда проблем, способных создать угрозу жизнедеятельности людей. Он выражается в вероятности опасных событий (аварий, стихийных бедствий, техногенных катастроф, эпидемий, болезней социальной этиологии), связанных с гибелью людей или ущербом их здоровью, и описывается распределением этих событий по числу жертв (пострадавших) [2]. Социальный риск является индикатором уровня социальной напряженности в обществе. Субъектами риска могут выступать все акторы социальной действительности: индивиды, социальные группы и институты.

Отношение, знания и поведение социальных субъектов относительно различных рисков, которые являются, по сути, частью их повседневной жизни обусловлены как объективной реальностью, т.е. природой самих рисков, так и их психологическим восприятием, в котором смешиваются опыт, предубеждения, формальные и неформальные источники информации (технические отчеты, новости, слухи и т.д.). Отсюда вытекает необходимость применения междисциплинарного подхода к анализу риска и чрезвычайной ситуации, в котором изучение коммуникации будет играть доминирующую роль.

Восприятие риска во многом зависит от психологических особенностей личности, что приводит к выбору различных стратегий поведения со стороны индивидов, организаций, институтов.

Исходя из этого, можно определить следующие базисные допущения в понимании концепции социального риска:

Во-первых, с точки зрения отдельного индивида, восприятие и оценка риска образуют когнитивную деятельность, поддержанную получением информации и другими психосоциальными факторами; это восприятие и оценка, в свою очередь, задают линию поведения индивида, группы в чрезвычайной ситуации;

Во-вторых, каждый индивид является членом социальной группы, в рамках которой также формируется представление (коллективное) относительно риска и вырабатываются соответствующие коллективные реакции;

В-третьих, для предупреждения рискованной и кризисной ситуации, коммуникация играет первостепенную роль.

В ситуации «сосуществования с рисками» большое значение имеет не только степень информированности, но и уровень образованности социальных субъектов, авторитетность самих источников информации.

Для обычного, не подготовленного потребителя одним из наиболее доступных источников получения информации является реклама. В последнее время особенно активно рекламировать свои услуги и продукты стали банки, финансовые компании, формируя и стимулируя спрос среди населения страны. Потребительские кредиты без поручителей, кредиты на строительство жилья, предложения по депозитам и др. в рекламных текстах выглядят очень заманчиво. Желание обладать материальными благами и отсутствие собственных денежных средств, ставит человека перед выбором отказаться от своей мечты или взять в займы под определенный процент. Чаще выбирается второе. Увеличение числа просроченных кредитов среди физических лиц, появление невозвратных кредитов, увеличение числа обращений граждан по вопросам работы банков, кредитования, привлечения денежных средств во вклады, появление случаев обмана со стороны «финансовых пирамид» и т.д. послужило поводом к разработке плана повышения финансовой грамотности населения Республики Беларусь (2013- 2018г.). В плане совместных действий государственных органов и участников финансового рынка отмечается, что «повышение финансовой грамотности обеспечит финансовую безопасность населения, повысит его благосостояние и будет способствовать стабильности государства» [3]. Кроме того повысится уровень доверия среди населения к финансовым структурам. Стоит отметить, что данный план касается не только простых потребителей, но и представителей СМИ, освещающих экономическую, финансовую ситуацию в стране.

Проведение согласованной информационной политики позволит минимизировать социальные и экономические риски, связанные с недостаточным уровнем финансовой грамотности населения.

Литература:

1. Beck, U. Risk Society. Toward a New Modernity / U. Beck. – London: Sage Publications, 1992.

2. Губанов, В.М. Чрезвычайные ситуации социального характера и защита от них / В.М. Губанов, В.П. Михайлов, В.П. Соломин [Электронный ресурс]. – М., 2007 г. – Режим доступа: <http://www.litmir.net/> – Дата доступа: 17.09.2013 г.

3. План совместных действий государственных органов и участников финансового рынка по повышению финансовой грамотности населения Республики Беларусь на 2013 – 2018 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by/> – Дата доступа: 17.09.2013 г.

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: «ХЛЕБ И ЗРЕЛИЩА» КАК СРЕДСТВО ТОТАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Л.И. Лукьянова, г. Гродно, Беларусь

Хлеб и зрелища («Panem et circenses») – девиз римских обывателей – вот тот минимум, который необходим современному мировому правящему классу, чтобы держать народ под контролем. Как известно, «хлебные законы» (*leges frumentariae*) в Древнем Риме утвердили государственную политику раздачи хлеба. Зерно давали народу бесплатно, или по сниженным ценам. И эти социальные пособия, которые, кстати, получали 300 тысяч римских граждан, позволяли поддерживать их лояльность к правящей верхушке. Эту лояльность в не меньшей степени обеспечивали публичные зрелища – гладиаторские бои в Колизее. Их политическое значение было так велико, что Цицерон предложил специальный закон, запрещавший кандидату в магистраты давать представления гладиаторов в течение двух лет до выборов, чтобы не получить с их помощью благорасположение граждан. Характеризуя принцип римского плебса, сатирик Ювенал писал: «Сдержан теперь и о двух лишь вещах беспокойно мечтает: хлеба и зрелищ». Как видим, принцип «хлеба и зрелищ» весьма лаконично описывает эффективные механизмы господства элит, которые успешно пережили римскую эпоху, изменяясь и трансформируясь в последующие времена [1].

Если обратиться к истории, то проблема организации зрелищ всегда занимала внимание правителей. В Древней Греции – это олимпийские игры, греческий театр; в Древнем Риме – бои гладиаторов; в Средние века – карнавальная культура. Начиная с Нового времени, организация массового искусства становится все более многообразной. Зрелища становятся великой силой, способной сплотить и вдохновить общество на определенные деяния. Этому помогало открытие печати и появление газетной продукции, затем кинематографа, что и сформировало в конечном счете массовую культуру (термин Ортеги-и-Гассета),